

«Изгнать из чертогов российской словесности...»

(Серебряный век в книге Омри Ронена)

Валькова Вера Борисовна

Российская академия музыки имени Гнесиных,
Москва, Россия

E-mail: veraval@yandex.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5858-0613>

Аннотация. В статье предпринимается попытка осмыслить с сегодняшних позиций основные идеи книги известного слависта Омри Ронена, вышедшей на русском языке в 2000 году под названием «Серебряный век как умысел и вымысел». В России обсуждения и толкования книги Ронена имели три основных направления. Первое включало поиски происхождения и путей распространения термина, второе — проблемы его смысловой адекватности, третье — его оценочные аспекты. Как показывает автор книги, традиция называть эпоху первых десятилетий XX столетия «серебряным веком» родилась в среде русской эмиграции. Эта метафора была некритически принята советской интеллигенцией 1980-х годов, став выражением ностальгической тоски по утраченной творческой свободе начала XX века. По мнению Ронена, первоначальный смысл термина, представленный в работах Р. И. Иванова-Разумника и В. А. Пяста, был искажен в статье Н. А. Оцупа (1933), игнорировавшего критические оценки обсуждаемой эпохи. Ронен делает вывод о том, что «ошибочный термин» должен быть «изгнан из чертогов российской словесности». Однако вряд ли сегодня возможно последовать его призыву и отказаться от сложившегося именованья эпохи. Вместе с тем все обнаруженные в его книге истоки и смыслы термина «серебряный век» должны быть учтены в современных рассуждениях о нем, а история его возникновения и жизни важна и интересна сама по себе.

Ключевые слова: Омри Ронен, Серебряный век, направления дискуссий, история и значение термина

Для цитирования: Валькова В. Б. «Изгнать из чертогов российской словесности...» (Серебряный век в книге Омри Ронена) // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2025. № 4(79). С. 29–35. <http://doi.org/10.26086/NK.2025.79.4.006>

Original article

“Expel from the halls of Russian literature...” (The Russian Silver Age in Omry Ronen’s book)

Valkova Vera B.

Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia

E-mail: veraval@yandex.ru,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5858-0613>

Abstract. The article attempts to reflect from today’s perspective the main ideas of the book by the famous Slavist Omry Ronen, published in Russian in 2000 under the title “The Silver Age as Intention and Fiction”. In Russia, discussions and interpretations of Ronen’s book had three main focuses. The first focused on the origins and dissemination of the term, the second focused on its semantic adequacy, and the third focused on its evaluative aspects. As the author of the book shows, the tradition of referring to the first decades of the 20th century as the «Silver Age» originated among the Russian émigré community. This

metaphor was uncritically adopted by the Soviet intelligentsia in the 1980s, becoming an expression of nostalgic longing for the lost creative freedom of the early 20th century. According to Ronen, the original meaning of the term, as presented in the works of R. I. Ivanov-Razumnik and V. A. Pyast, was distorted in the article by N. A. Otsup (1933), who ignored the critical assessments of the era in question. Ronen concludes that the «erroneous term» should be «expelled from the halls of Russian literature.» However, it is unlikely that we can follow his call today and abandon the established naming of the era. At the same time, all the origins and meanings of the term «Silver Age» found in his book should be taken into account in modern discussions about it, and the history of its emergence and life is important and interesting in itself.

Keywords: Omry Ronen, the Silver Age, areas of discussion, history, and meaning of the term

For citation: Valkova V. B. “Expel from the halls of Russian literature...” (The Silver Age in Omry Ronen’s book). *Aktualnye problemy vysshego muzykalnogo obrazovaniya* = Actual problems of high musical education. 2025; 4(79); 29–35 (In Russ.). <http://doi.org/10.26086/NK.2025.79.4.006>

Книга известного слависта Омри Ронена с провоцирующим названием «Серебряный век как умысел и вымысел» вышла на русском языке в 2000 году [1]. Ее англоязычная версия появилась раньше, в 1997. Вызов, брошенный автором, был принят российскими филологами и отражен в рецензиях, опубликованных сразу после выхода книги (см., например: [2; 3; 3]). Один из критиков, подчеркивавший уязвимые стороны концепции Ронена, все же признавал, что книга Ронена «взрыхлила почву» для решения проблемы [4, с. 126].

Думается, настало время посмотреть, что произошло на этой «взрыхленной почве» за последние четверть столетия, представив затронутые в книге Ронена вопросы с сегодняшних позиций. Разумеется, в предлагаемой статье мы не можем претендовать на развернутое освещение этой сложной проблематики. Главной целью здесь будет привлечь к ней внимание музыковедческого сообщества и попробовать извлечь из нее некоторые полезные уроки.

В отличие от филологов, музыковеды, мягко говоря, не очень активно откликнулись на обсуждаемую работу. Лишь в самые последние годы в некоторых исследованиях она в лучшем случае включена в обзоры источников (как, например, в диссертации А. Н. Мерзлова [5]) или вскользь упомянута без какой-либо рефлексии (как в книге И. А. Скворцовой [6, с. 19]). Между тем, словосочетание «серебряный век» широко используется в музыковедческой литературе (как в отечественной, так и в зарубежной) и вслед за призывом Ро-

нена должно быть осмыслено с учетом его происхождения и первоначальных значений.

Восприятие позиции Ронена в среде филологов было обусловлено высоким авторитетом ученого, которого знают в России как глубокого исследователя поэзии О.Э.Мандельштама, автора ярких эссе и статей, регулярно публиковавшихся в журналах «Звезда», «Литературное обозрение», «Новое литературное обозрение».

Особое внимание к личности Ронена было связано с необычностью его личной судьбы и творческой биографии. Он родился в 1937 году в Одессе, настоящее его имя — Имре Эмерехович Сорени. Его отец, венгерский еврей, по профессии биохимик, переехал из Германии в СССР вскоре после прихода к власти нацистов. Мать Имре Сорени, советская гражданка, окончила Химико-фармакологический институт в Харькове. Война застала семью в Киеве, откуда была эвакуирована с эшелонном Украинской Академии наук. В 1944 году года Сорени вернулись в Киев, в 1950 покинули СССР и с 1953 года окончательно поселились в Будапеште. Именно там будущий филолог получил диплом бакалавра в Будапештском университете. Имре Сорени принял активное участие в венгерском антисоветском восстании 1956 года, и после его подавления вынужден был покинуть страну. В 1957 году он поселился в Израиле, сменив имя на Омри Ронен, которое стало его литературным псевдонимом. Окончив в 1956 году Еврейский университет в Иерусалиме по специальности «английская словесность и европейское языкознание», Ронен продолжал образование в Гарварде, преподавал в Йельском университете в Нью-Хейвене, работал в Иерусалиме, читал курсы лекций в Гарвардском университете, и с 1985 года постоянно жил в Энн Арборе (штат Мичиган), преподавал в Мичиганском университете, в котором возглавлял кафедру русской литературы, регулярно выступал с циклами лекций в разных университетах, участвовал во многих научных конференциях. Ронен скончался в 2012 году в Энн Арборе.

Необычайно широкий культурно-географический размах деятельности ученого вполне отразился в его уникальной эрудиции, а ранние годы, проведенные в русскоязычной среде, определили устойчивый и глубокий интерес к истории русской словесности и культуры.

В научном наследии Ронена самой резонансной оказалась именно его работа о Серебряном веке. При всей ее дискуссионности, в ней не оспариваются принятые в науке границы эпохи (примерно от начала или середины 1890-х до 1917 или начала 1920-х), не пересматриваются ее общие художественные установки, хотя некоторые оппоненты Ронена указывают на почти «герметическую» замкнутость его рассуждений явлениями символизма

и акмеизма в ущерб другим тенденциям. Так, Леонид Фридович Кацис в уже цитированной статье замечает, что исключение из рассмотрения футуризма и близких течений «приводит к существенному уплощению общей картины» [4, с. 122]. Однако для автора книги важно другое. Все рассуждения Ронена направлены на смысл и правомерность использования популярной метафоры в качестве научного понятия. «Задачей предлагаемого исследования, — пишет Ронен, — поставлена не пресловутая «демифологизация», а всего лишь исторический обзор употребления термина «серебряный век» применительно к первым двум или первым трем-четырем десятилетиям XX века и критическая проверка его уместности в отношении к этому периоду истории русской словесности» [1, с. 31].

Обсуждения и толкования книги о Серебряном веке растекались в основном по трем руслам. Первое включало поиски происхождения и путей распространения термина, второе — проблемы его смысловой адекватности, третье — его оценочные аспекты.

Предпосылки и истоки

Наибольшее доверие специалистов вызвали выводы Ронена об истоках словосочетания «серебряный век». Действительно, автору книги удалось установить многие важные вехи в жизни этого пространного наименования. Добытые им сведения существенно скорректировали целый ряд привычных представлений. «Тщательное исследование Ронена, — писал американский филолог Барри Пол Шерр в 2014 году, — напомнило ученым об истории этого словосочетания и о его первоначальном значении, которое многие или забыли, или совсем не знали» [7, с. 228].

В первую очередь обычно отмечают убедительное разоблачение всех ссылок на Н. А. Бердяева как автора метафоры «серебряный век» в применении к русской культуре начала XX века. Скрупулезно обследуя источники, Ронен не нашел в них подтверждения этому суждению. Судя по позднейшей литературе, не найдены они и поныне. Бердяев использовал для той же эпохи другое наименование — ренессанс русской культуры. Это понятие Ронен истолковывает так: «Очевидно, при выборе термина “ренессанс” Бердяев руководствовался идеей возрождения мощного созидательного духа, который был присущ началу девятнадцатого столетия и, возвращаясь к жизни к концу его, преодолевал творчески мелкотравчатые утилитарно-революционные увлечения и “позитивистское просветительство”, управлявшие общественным мнением и культурой интеллигенции во второй половине века» [1, с. 40].

Ронен, опираясь на методы интертекстуального анализа, дает широкую картину жизни и развития

метафоры «серебра» в русской литературе первой половины XX столетия. Среди приведенных им многочисленных примеров — «дети серебряного времени» из автобиографической прозы М. И. Цветаевой. Ронен цитирует:

«Нет, со священниками (да и с академиками!) у меня никогда не вышло. С православными священниками, золотыми и серебряными, холодными как лед распятия — *наконец* подносимого к губам. <...>

— Барыня! Священники пришли! Прикажете принять?

И сразу — копошение серебра в ладони, переливание серебра из руки и руку, из руки в бумажку: столько-то батюшке, столько-то дьякону, столько-то дьячку, столько-то просвирне... не надо бы — при детях, либо, тогда уж, не надо бы нам, детям *серебряного* времени, про тридцать *сребреников*» [8, с. 46–47]. Ронен обращает внимания на авторский курсив в этой цитате, а также на появление выделенного курсивом слова в одном ряду с отсылкой к «сребреникам Иуды».

Еще один пример — знаменитые ахматовские строки из «Поэмы без героя»:

«На Галерной темнела арка,
В Летнем тонко пела флюгарка,
И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл». (Цит. по: [1, с. 47])

Однако приведенные образцы — поздние отголоски обсуждаемой эпохи. «Серебро» Цветаевой появилось, как считает Ронен, не раньше 1935 года, а «Поэма без героя», откуда взята приведенная цитата, создавалась с 1940 по 1962 год (хотя и пропитана образами и темами времени русского символизма и акмеизма). Упомянутым авторам явно не принадлежит роль основателей терминологической традиции. Ронен замечает по этому поводу: «Очевидно, Цветаева в 1935 г. ... уже была знакома с наименованием “серебряный век” и, кажется, приняла его с той же несколько иронической резинькацией, что и Ахматова. Цветаева, впрочем, любила серебряные кольца...» [1, с. 51].

Данные, собранные Роненом, позволяют сделать важный вывод о том, что традиция называть эпоху первых десятилетий XX столетия «серебряным веком» родилась достаточно поздно и — что особенно показательно — в среде русской эмиграции. Первым, кто употребил это определение в привычном для нас смысле был Николай Авдеевич Оцуп, статья которого, под названием «Серебряный век» появилась в 1933 году в сборнике «Числа». Похоже, что именно она дала толчок к широкому распространению понятия. Оно было подхвачено в 1950-е — 1980-е годы представителями русской литературной диаспоры и представлено, прежде всего, в публикациях Владимира Васильевича Вейдле и Сергея Константи-

новича Маковского¹. К упомянутым в книге Ронена можно добавить и англоязычные источники, в том числе недавние музыковедческие (см., например: [9; 10; 11; 12]).

В то же время в зарубежных литературных кругах это наименование порой встречало резкое неприятие. Так, по свидетельству Ронена, «подобно другим своим выдающимся сверстникам, ...покойный профессор Калифорнийского университета в Беркли Глеб Петрович Струве предпочитал термин кн. Дмитрия Петровича Святополк-Мирского: “второй золотой век стиха, уступавший только первому золотому веку русской поэзии — веку Пушкина”» [1, с. 33], а «в личной беседе весной 1973 г. Г. П. Струве говорил о наименовании “серебряный век” с приметным раздражением» [1, с. 33].

Работы зарубежных литераторов и ученых, первыми использовавших этот термин, поначалу не были известны в СССР, а сама обсуждаемая в них эпоха долго оставалась под идеологическим подозрением советских властей. Только с 1980-х годов началось ее изучение, но и тогда отечественные авторы чаще всего обходились без употребления словосочетания «серебряный век». Этот факт отмечается в рецензии Натальи Петровны Страховой на книгу Ронена. В ней автор подчеркивает относительно недавнее заимствование термина российскими исследователями и справедливо сетует на то, что до сих пор не установились даже правила его написания — «прописная или строчная буква, кавычки или их отсутствие — все это считается нормой» [13, с. 176]. Страхова считает, что правомернее всего написание с прописной буквы и без кавычек, которые «принижают значение литературы и искусства той эпохи» [13, с. 180].

В отечественном музыкознании этот термин также появился достаточно поздно. Показательно, что в книге Т. Н. Левой (1991) [14], первом обстоятельном и до сих пор самом авторитетном исследовании русской музыки начала XX века, словосочетание «серебряный век» почти не используется — его удалось обнаружить только на одной из последних страниц книги в разделе «Вместо заключения» [13, с. 162].

«Что в имени тебе моем?»

Другое русло рефлексий, порожденных обсуждаемой книгой, включает смысловую интерпретацию словосочетания «серебряный век», его соответствие духу обозначаемой им культурно-исторической реальности. Важно иметь в виду, что именование этой реальности родилось и распространилось в то время, когда сама она уже отошла в прошлое, и данное ей русскими эмигрантами название, отразило взгляд «издалека» — и во времени, и в пространстве. Опираясь на исследование Ронена, рискнем предположить, что литераторы, впервые обратившиеся к обсуждаемой метафоре, вкладывали в нее весьма сложные

и неоднозначные смыслы. Для них «серебро» — это неброский изысканный блеск, притягательность ночного загадочного сияния, тайный вызов «золотому» наследию прошлого, но в то же время — меркнувший отсвет невозвратно утраченного мира, умирающее, «стынувшее» время («серебряный месяц... над серебряным веком *стыл*» у Ахматовой).

В книге приводится весьма показательное письмо Елены Алексеевны Игнатовой, обращенное к ленинградским писателям. Оно было опубликовано в 1983 году в самиздатовском журнале «Обводной канал» и позже, в 1993 году — в журнале «Нева» [15]. В этом письме Ронен выделяет мысль об актуальной для 1980-х годов ностальгической тоске «по так называемому “Серебряному веку”, который узнали и полюбили по умиленным легендам мемуаристов» [1, с. 31]. Это было наивное представление о том времени, которое чуть ли не противопоставлялось остальной культуре. Как точный исторический диагноз Ронен цитирует признание Игнатовой: «“серебряный век” мы приняли и исповедуем на веру, без исторической перспективы, не анализируя» [15, с. 255]. Отметим, что цитированное эссе Игнатовой стало по существу первой в советской литературной среде попыткой «демифологизации» Серебряного века.

Метафора «серебряного века» со всеми ее коннотациями, очевидно, оказалась особенно близкой советской интеллигенции «эпохи застоя», выросшей на идеалах «оттепельных» шестидесятых. Среди всех смыслов, угадываемых в этом словосочетании, быть может, на первом месте был именно вызов внешнему, «золотому» блеску советского официоза. Протестный смысловой потенциал метафоры серебра Ронен усматривает в стихотворении Мандельштам из его воронежского цикла 1937 года:

Как женственное серебро горит,
Что с окисью и примесью боролось,
И тихая работа серебрит
Железный плуг и песнетворца голос (Цит. по: [1, с. 65]).

Серебро, золото или платина?

Одно из центральных направлений в исследовании Ронена касается оценочной стороны термина «серебряный век». Этот круг проблем образует третье русло в откликах на его книгу. Именно здесь заключены обнаруженные автором «вымысел» и «умысел» против исторической правды. Установив истинный исток укоренившейся «терминологической ошибки» в упомянутой выше статье Оцу, автор книги обрушивает уничтожающую критику на все его теоретические построения.

Название эпохи сразу и явно отсылает к давней, идущей еще от античности, традиции оценивать времена и достижения людей с помощью «металли-

ческих» метафор. Оцуп, обосновывая введенное им обозначение, обращается прежде всего к античным образцам. Тут Ронен напоминает: «Согласно “историософскому” мифу Гесиода, действительно, земля в золотой век сама собой приносила обильный урожай, а люди трудились, сколько хотели, лишь собирая его... По «Метаморфозам» Овидия (но не по “Трудам и дням” Гесиода, согласно которому “серебряное поколение” отличалось ребячеством и нечестивостью), человек стал заниматься трудом и пахать землю в серебряный век, когда Юпитер вместо древней бессменной весны золотого века создал четыре времени года» [1, с. 86]. Эти идеи, по мнению Ронена, использованы Оцупом некорректно: «Люди, однако, в оцуповской последовательности веков остаются все тем же племенем. В золотой век художники не более одарены, чем в серебряный. <...> Здесь сходство с классическим преданием у Оцуа кончается» [1, с. 86].

Возражение у Ронена вызывает не только примененная Оцупом «металлическая» характеристика («серебряный»), но и слово «век» в именовании эпохи. «Уже римляне, — пишет он, — переводя гесиодовское греческое слово *genos* “род, племя, поколение” латинским *aetas* или *aeculum*, привнесли... в первоначальное, чисто антропологическое содержание сменяющейся “единицы преемственности”... добавочный временной смысл. *Saeculum* и *aetas*, “Век человеческий, век исторический, столетие, дух времени” и “время жизни, возраст, пора”, подразумевают более или менее длительный период времени, а также его содержание и нравственную ценность» [1, с. 86]. Невнимание к этой проблеме — еще один промах Оцу, не признававшего, «какое значение имеет эта проблема для его выводов» и «не осведомленного о таких мифологических аналогиях изложенной им концепции серебряного века как, например, соответствие между золотом и серебром, с одной стороны, и божественным духом и человеческим, с другой» [1, с. 87].

Ронен делает беспощадный вывод: «Нарочитая неточность и кокетливое невежество были в моде у того направления в эмигрантской словесности, которое представляли “Числа”» [1, с. 87]. Эта «мода», по его мнению, весьма способствовала некритическому и безответственному употреблению термина в последующие десятилетия.

Однако в рассуждениях Ронена о правомерности «металлических» характеристик акцентируется и другая тема: накопленный в русской литературе опыт оценочного сопоставления «золотых» и «серебряных» периодов в истории отечественной словесности. Для автора книги важным источником является вышедшая в 1929 году книга поэта и критика Владимира Пяста (Владимир Алексеевич Пестовский, 1886–1940) под названием «Встречи».

Ронен констатирует: «Настоящий серебряный век русской поэзии Пяст видит во второй половине девятнадцатого столетия, в соответствии со сложившейся критической традицией, помещавшей его хронологически непосредственно вслед за пушкинским золотым веком...» [1, с. 92]. Поэтами «Золотого века», пушкинского времени, признаются Е. А. Боратынский, Н. М. Языков, Ф. И. Тютчев и «тьма менее знаменитых, но прекрасных поэтов» [1, с. 92].

«Серебряный век», по мысли Пяста, представлен именами А. К. Толстого, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, А. А. Фета, Л. А. Мея, Н. Ф. Щербины, А. А. Григорьева, Н. А. Некрасова. К этой блестящей плеяде присоединяются имена творцов русской прозы того же периода — И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других. Как подчеркивает Ронен, «Пяст уверенно и отчетливо различает “Золотой” и “Серебряный век” в классической русской литературе девятнадцатого столетия» [1, с. 92]. Упоминает Пяст и о «серебряном веке» в современном ему искусстве: по характеристике Ронена, о нем он «говорит в порядке рабочей гипотезы, скромно и осмотрительно, и умеряет аналогию с девятнадцатым столетием сознанием разницы в масштабах» [1, с. 92].

По свидетельству Ронена, в периодизацию Пяста полностью вписывается «серебряный век» из работ Д. П. Святополк-Мирского — его представляют те же писатели второй половины XIX столетия. Такие же хронологические ориентиры «серебряного века» Ронен обнаруживает в работах В. С. Соловьева и В. В. Розанова — в них в этой связи речь идет только о ровесниках А. К. Толстого, Тургенева и Достоевского.

Ронен тщательно анализирует литературную полемику 1920-х годов, где за несколько лет до работы Оцуа эпизодически появлялась метафора «серебряный век» — причем в резко негативном оценочном ключе. Особенно важна для автора книги статья «Взгляд и нечто» известного в эмигрантских кругах литератора Р. В. Иванова-Разумника (Разумник Васильевич Иванов, 1878–1946), опубликованная в 1925 году и подписанная именем персонажа из пьесы Грибоедова «Горя от ума» — Ипполит Удушьев. Иванов-Разумник упоминает о Золотом и Серебряном веке вкратце, утверждая, что Золотой век остался в прошлом, а в современной ему поэзии начался Серебряный век, который он решительно определяет как «век упадка». По формулировке Ронена, «в нормативной оценочной литературно-исторической схеме Иванова-Разумника серебряный век всегда и всюду есть век вторичного, эпигонского, излишне утонченного, поверхностно исхищренного и тщательно приукрашенного, но духовно опустошенного и художественно тщетного искусства» [1, с. 111].

Сравнивая подобные оценочные суждения с позицией, представленной в статье Оцуа, Ронен делает важный вывод: «Побочные оттенки значе-

ния и даже основной смысл термина у эпигонов Иванова-Разумника и Пяста подверглись коренным изменениям» [1, с. 111]. Ронен утверждает, что, игнорируя отрицательные или иронические оттенки в характеристике «серебряного» типа творчества, Оцуа оправдывает и восхваляет его, ставит едва ли не выше «золотого». В заимствованных у Иванова-Разумника определениях «переимчивый Оцуа просто поменял все отрицательные знаки на положительные» [1, с. 111].

Укоренившемуся значению термина, как считает Ронен, более соответствовали бы выражения «второй золотой век» Г. П. Струве и Д. П. Святополк-Мирского или даже «платиновый век» — название, предложенное профессором калифорнийского университета Олегом Маслениковым (1907–1972) и поддержанное Р. О. Якобсоном. В пользу такого варианта говорит то, что «платина ценится не ниже золота, у нее благородный серебристый оттенок, а главное: она — новый металл, открытый в результате научно-технического прогресса в XVIII веке» [1, с. 123].

Кто виноват и что делать?

Вопреки решительным выводам Ронена допустим все же, что не «умысел и вымысел» Оцуа и не его теоретическая концепция (со всеми ее неточностями и ошибками) были в первую очередь виновны в распространении «ошибочного» термина. Поставленная в статье Оцуа на заметное место красивая метафора, упав на подготовленную почву, «проросла» и укоренилась позже как новый термин, живущий по своим собственным законам.

«Разоблачительный» пафос Ронена, конечно, не имел целью принизить значение искусства обсуждаемой эпохи. Его мишенью было бездумно-апологетическое приятие всего, что связано с ней. Ронен сформулировал свою позицию со своим собственным его текстом изяществом:

«Показательно, что и позднейшие критики, и изощренный читатель нашего времени, привычно пользующийся выражением “серебряный век”, вовсе не чувствуют в нем отрицательных или снисходительных оттенков смысла. Совершенно наоборот, это имя передает сейчас, в целом, представление о глубокой, даже несколько схимнической духовности и о высшей степени художественных достижений и созидательного порыва, с умеренной и поэтически привлекательной примесью таких трагических погрешностей, как творческая гордыня, нравственная отчужденность в башне из слоновой кости или, напротив, хилиастическое нетерпение и пророческая темнота выражения, с одной стороны, и риторическая и интеллектуальная безответственность, с другой» [1, с. 11–112].

Этот аспект вызвал сочувственный отклик у одного из первых читателей книги Ронена, Михаила

Нафталиевича Золотоносова. Критик подчеркивал, что Ронен фактически «анализировал возникновение мифа о “серебряном веке” как о поре расцвета художественного творчества и всякой возвышенной духовности в России» [2, с. 22], и соглашался с Роненом в том, что «первоначально употребленный в уничижительном смысле, “серебряный век” постепенно стал обозначать период творческой кульминации, по поводу которой любые восторги кажутся заниженными» [2, с. 22]. Особенно показательно такое отношение для советской интеллигенции. Золотоносов объясняет это тем, что «читатели, дезориентированные духовной голодовкой периода социализма, начали обожествлять все, что было до социализма» [2, с. 22]. Для такого суждения есть реальные основания, о чем уже говорилось выше.

Книга Ронена заканчивается «выражением надежды, что знание истории ошибочного термина убедит читателей и филологов изгнать из чертогов российской словесности бледный, обманчивый и назойливый призрак обозначаемого им, но не существовавшего в двадцатом столетии историко-литературного явления» [1, с. 124].

Согласимся с выводами оппонентов Ронена, утверждавших, что вряд ли сегодня возможно последовать его призыву и отказаться от сложившегося именования эпохи. Вместе с тем все обнаруженные в его книге истоки и значения термина «серебряный век» должны быть учтены в современных рефлексиях о нем, а история его возникновения и жизни важна и интересна сама по себе. Нельзя также не признать, что подобно многим терминам-долгожителям «серебряный век» из емкой метафоры превращается ныне в десемантизированный (лишенный первоначальных смыслов) и деэтимологизированный (оторвавшийся от своих лингвистических корней) термин, фиксирующий только хронологические рамки соответствующей эпохи. И в этой своей функции он вполне удобен и конвенционален.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 13.10.2025.

The article was submitted 15.09.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 13.10.2025.

Примечания

¹ Ронен ссылается, в частности, на следующие публикации: Вейдле В. В. Задача России. Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1956; Его же. Безымянная страна. Paris: YMCA-Press, 1968; Его же. О поэтах и поэзии. Paris: YMCA-Press, 1973; Маковский С. К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен: Издательство Центрального объединения Политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. (Более позднее издание: М.: Издательство XXI век — согласие, 2000).

Список источников

1. Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000. 152 с.
2. Золотоносов М. Н. Умысел и вымысел // Московские новости. 2000. № 45. 14–20 ноября. С. 22.
3. Толстой И. Н. Кто же сказал, что век — «серебряный»? // Русская мысль. 2000, 21–27 декабря. № 43–46.
4. Кацис Л. Ф. “Ипполит” и “Удушение” “Серебряного века” // Логос. 2001. № 1 (27). С. 119–126.
5. Мерзлов А. Н. Композиторское творчество С. В. Рахманинова в его связях с русским символизмом и модерном. Дисс. канд. иск. Екатеринбург, 2021.
6. Скворцова И. А. Стиль модерн в русском музыкальном искусстве рубежа XIX–XX веков. М.: Композитор, 2009. 354 с.
7. Шерр Б. П. Научное наследие Омри Ронена // Звезда. 2014. № 3. С. 223–233.
8. М. И. Цветаева. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. Кн. 1: Автобиографическая проза; Статьи; Эссе / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина. Москва: «Терра — Терра» «Книжная лавка — РТР». 1997. 336 с.
9. Bowlt John E. The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the “World of Art” Group. Second Edition. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1982. 466 p.
10. Boris Gasparov, Robert P. Hughes, and Irina Paperno, eds., Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age. Berkeley and Oxford: California University Press, 1992. 512 p.
11. Frolova-Walker M. Love Triumphant: Rachmaninoff ‘s Eros, the Silver Age, and the Middlebrow // Rachmaninov and His World / Ed. by Philip Ross Bullock. The University of Chicago Press, 2022. P. 56–81.
12. Bullock Ph. R. Rachmaninoff and the “Vocalise”: Word and Music in the Russian Silver Age // Rachmaninov and His World / Ed. by Philip Ross Bullock. The University of Chicago Press, 2022. P. 82–100.
13. Страхова Н. Н. Рецензия на книгу: Серебряный век как умысел и вымысел. Пер. с англ. / О. Ронен. М.: ОГИ, 2000 // Вестник Волгоградского государственного университета. 2004. Серия 4. Вып. 10. С. 175–180.
14. Левая Т. Н. Русская музыка начала XX века в художественном контексте эпохи. М.: Музыка, 1991. 166 с.
15. Игнатова Е. А. Кто мы? // Нева. 1992. № 8. С. 252–258.

Информация об авторе

Валькова В. Б. — доктор искусствоведения, профессор кафедры истории музыки

References

1. Ronen, O. (2000), *Serebryanyj vek kak umysel i vymysel* [The Silver Age as a conspiracy and a fiction], Izd-vo OGI [Publishing House OGI], Moscow, Russia.
2. Zolotonosov, M. N. (2000), “Conspiracy and a fiction”, *Moskovskie novosti* [Moscow News], vol. 45, November 14–20, p. 22.

3. Tolstoj, I. N. (2000), Who said that the 20th century was a “silver” century?, *Russkaya mysl'* [Russian Thought], vol. 43–46, December 21–27.
4. Kacis, L. F. (2001), “Hippolyte” and “Strangulation” “The Silver Age”, *Logos*, vol. 1 (27), pp. 119–126.
5. Merzlov, A. N. (2021), *Kompozitorskoe tvorchestvo S. V. Rakhmaninova v ego svyazyah s russkim simvolizmom i modernom* [S. V. Rakhmaninov's Compositional Work in Its Relationship to Russian Symbolism and Art Nouveau]. Ph.D. dissertation, musical art, Musorgskij Ural State Conservatory, Ekaterinburg, Russia.
6. Skvorcova, I. A. (2009), *Stil' modern v russkom muzykal'nom iskusstve rubezha XIX–XX vekov* [Art Nouveau in Russian Musical Art of the 19th and 20th Centuries], Kompositor, Moscow, Russia.
7. Sherr, B. P. (2014), “Omri Ronen's Scientific Legacy”, *Zvezda* [The Star], vol. 3, pp. 223–233.
8. Cvetaeva, M. I. (1997), “The Devil”, *M. I. Cvetaeva, Sobranie sochinenij v semi tomah. T. 5. Kn. 1: Avtobiograficheskaya proza; Stat'i; Esse / Sost., podgot. teksta i komment. A Saakyanc, L. Manuhina*. [Collected Works in Seven Volumes. Vol. 5. Book 1: Autobiographical Prose; Articles; Essays / compiled, prepared the text and comments by A. Saakyanc and L. N. Manukhina.]. “Terra — Terra” Knizhnaya lavka — RTR”, Moscow, Russia.
9. Bowlt John, E. (1982), *The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the “World of Art” Group*. Second Edition. Oriental Research Partners, Newtonville, Mass. USA.
10. Gasparov B., Hughes R. P., Paperno I., eds. (1992), *Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age*. California University Press, Berkeley and Oxford, USA.
11. Frolova-Walker, M. (2022), “Love Triumphant: Rachmaninoff's Eros, the Silver Age, and the Middlebrow”, *Rachmaninov and His World*, Ed. by Philip Ross Bullock. The University of Chicago Press, pp. 56–81.
12. Bullock, Ph. R. (2022), “R. Rachmaninoff and the «Vocalise»: Word and Music in the Russian Silver Age”, *Rachmaninov and His World* / Ed. by Philip Ross Bullock. The University of Chicago Press, pp. 82–100.
13. Strahova, N. N. (2004), “Review of the book: The Silver Age as Intention and Fiction. Translated from English by O. Ronen. Moscow: OGI, 2000”, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State University], series 4, vol. 10, pp. 175–180.
14. Levaya, T. N. (1991), *Russkaya muzyka nachala HKH veka v hudozhestvennom kontekste epohi* [Russian Music of the Early 20th Century in the Artistic Context of the Era], Muzyka, Moscow, Russia.
15. Ignatova, E. A. (1992), “Who are we?”, *Neva*, vol. 8, pp. 252–258.

Information about the author

Valkova V. B. — Doctor of Art History, Professor
of the Department of Music History